

Через боль говорить о живом

Ленинградская блокада на балетной сцене

Седьмую симфонию Дмитрия Шостаковича на язык пластики переводил Кировский театр. Пытались воплотить ее на сцене в ГДР. И вот сегодня Шостаковича снова танцуют в Берлине.

60 лет спустя, после того как в марте 1942 года в осажденном городе впервые прозвучала эта симфония, Германия, повинная в кошмаре блокады, возвращается к этой трагедии. Великая музыка Шостаковича обрела свое хореогра-

фическое воплощение на арене берлинского Темподрома.

Проект "Жизнь прекрасна", балетной компании Ютты Дойчланд/профинансированный берлинским сенатом, был реализован российским хореографом Евгением Панфиловым. Поначалу, кстати, балет назывался "Вчера была война". Но после событий 11 сентября, с точки зрения г-жи Дойчланд, мир снова оказался в состоянии войны, и потому балет получил другое название.

Имя Евгения Панфилова, лауреата премии "Золотая Маска", создавшего свой собственный театр в Перми, прекрасно известно ценителям российского балета. Свободный от каких бы то ни было классических клише, чистый модернист Панфилов не играет в театр. Он строит его из себя и окружающего его мира (Панфилов никогда и нигде не учился балету и только в 23 года, после службы в армии, открыл для себя этот мир). Его особая хореография, вылепленная из людей, пространства и предметов, возникает в нем зачастую спонтанно и, как он сам признается, даже временами намеренно неосознанно. Так было и с берлинским балетом на музыку Шостаковича.

Перед Панфиловым стояла невероятно сложная задача — представить хрестоматийный, отлитый временем в канон музыкальный текст как рождающуюся на глазах сегодняшнего зрителя драму. Освободить зрителя от привычного восприятия и заставить целиком погрузиться в предлагаемые хореографом обстоятельства.

Возможно ли выразить в танце отчаяние и боль, которыми так переполнена музыка Шостаковича? Возможно, считает автор балета, если через боль говорить о живом. Его балет говорит о самом дорогом, что уносит война, — о любви и жизни.

Свое пластическое эссе Панфилов формирует потоками воспоминаний о прекрасных мгновениях юности и сценами надвигающейся отовсюду смерти. Бессилие чело-

века противостоять ужасу войны Панфилов обозначает жестко графически — заклеив танцовщикам рты черным скотчем. Вплетая в канву действия игру в "третьего лишнего", он превратит эту детскую забаву в игру с потерей жизни. Костюмы, также созданные Панфиловым, будут трансформироваться по ходу спектакля из шинелей-халатов в саваны. Куращие дивы, поставленные хореографом на высокие каблуки, крича по-немецки, поволочут проигравших по замкнутому кругу арены. Живые будут ласкать мертвых, мертвые — вспоминать о любимых. Пока мир будет слеп, эта страшная игра в войну будет бесконечно повторяться. Голубые воздушные шарик в финале спектакля в руках слепых странных человечков — это пусай слабая, но все-таки надежда на прозрение.

Свои пластические миры Панфилов создает как опытный архитектор, оставаясь при этом эмоционально открытым к музыкальному тексту. Хореографу подчас упрекают в излишней пафосности, хотя сам он считает, что это вообще природное свойство российского темперамента. Но в балете "Жизнь прекрасна" Панфилов делал все, чтобы как раз избежать этой интонации. Хореографу было крайне необходимо услышать Седьмую симфонию заново и на этом "чистом листе" восприятия начать рисовать свой балет. Для этого вводит в музыкальную ткань симфонии живую интонацию времени. "Рио Рита", "Темная ночь", "Если завтра война", немецкие и советские марши, зву-

чащие словно с шипящих, "запиленных" пластинок, то исчезая, то возникая вместе с шумом дождя, очень деликатно вплетаются в великий музыкальный текст, и возникает единая метафора того времени. Сложнейшую фонограмму для берлинского спектакля Панфилов записал в Перми.

За четыре недели хореографу надо было создать балет, который должен был "зажить" на арене берлинского Темподрома по законам круга, в котором зрители вместе с танцовщиками оказываются как бы запертыми, заблокированными на время спектакля.

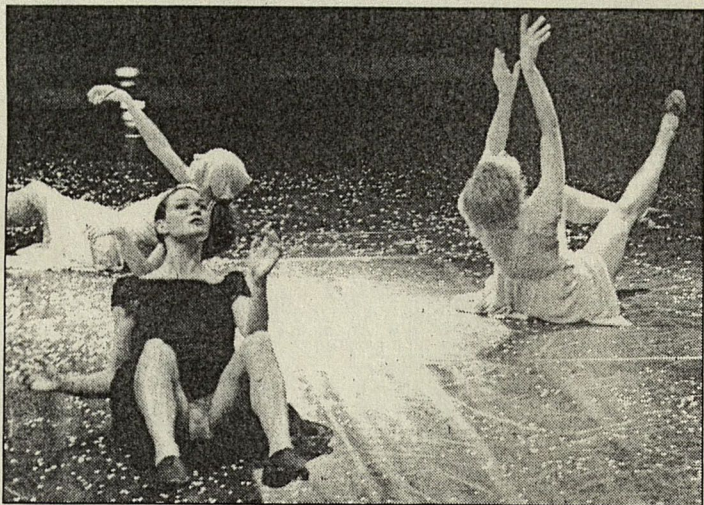
И хореографу, и исполнителям работа над балетом давалась чрезвычайно трудно. В балетной компании Дойчланд труппы как таковой нет. И Панфилов работал с составом, который был набран для постановки. Не овладев панфиловской техникой, "вскочить" в его хореографию танцовщикам невероятно сложно. Два ведущих танцовщика из пермского театра Алексей Колбин и Сергей Райник взяли на себя не только самые сложные и ответственные сцены балета, но и активно помогали своим партнерам осваивать панфиловскую хореографию. (К слову, Ева Неерахер, очень яркая и талантливая танцовщица, обладающая необычайно выразительной и своеобразной техникой, с радостью откликнулась на предложение хореографа поработать у него в Перми.)

К чести исполнителей, надо сказать, им удалось справиться с нелегкой задачей. И во многом благодаря тому, что в работе над балетом Панфилову помогала ассистент и педагог, сама выпускница Пермского хореографического училища Татьяна Сакатова, живущая и работающая в Берлине. Это ей принадлежит идея пригласить в Берлин именно Панфилова.

А что касается зрителей, к которым обращался со своим балетом Панфилов, то иные из них после окончания спектакля говорили: "Ничего трагичнее и страшнее мы в своей жизни не видели".

Александра ТУРГАН
Берлин

По сообщениям
корреспондентов
"Культуры" и ИТАР-ТАСС

Панфилов Евгений

Туризм - 2002 - 4-10 июл - 2-17

548